

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

EDN: PNVBEW

Research article / Научная статья

Linguistic pluricentrism and the Russian language

Damina SHAIBAKOVA¹, Ekaterina PROTASSOVA²
and Maria YELENEVSKAYA³

¹*Abay Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan, Almaty*

²*University of Helsinki, Finland, Helsinki*

³*Technion-Israel Institute of Technology, Haifa, Israel*

 damina1shaibakova@gmail.com

Abstract

Can the Russian language be regarded as pluricentric since it is used in various countries and regions of the world where different varieties of the language have evolved? Indeed, in Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and some other countries, Russian is used as the official language of state bodies and institutions. However, each of these countries has its own linguistic and cultural specificities of grammar, vocabulary and phonetics, which distinguish it from other varieties of the Russian language. In addition, the Russian language is used in countries where it is not an official language, such as Finland, Germany, Israel. There it also has its own characteristics caused by interaction with different languages and cultures. The goal of the study is to show that all these varieties of the Russian language can be viewed as pluricentric variants, i.e. as independent language systems with their own characteristics and differences. Theoretically, the recognition of the Russian language as pluricentric would help to better understand the old and emerging varieties of the language and establish their relationship with each other, making it possible to compare different varieties of the language with each other at all linguistic levels. Practically, such recognition would also make it possible to trace the adaptive possibilities of the Russian language, which vary depending on the region and cultural environment, which in turn will diversify and deepen the study of the Russian language, making it more interesting for the learner. Based on the theory of pluricentricity, the paper compares practices of the language use and seeks to establish commonalities of Russian pluricentrism. Moreover, it highlights the unique features of the Kazakhstan language variety while demonstrating new opportunities for studying the flexible adaptability of the language. This approach will contribute to better understanding and appreciating the richness and versatility of the Russian language as it is used around the world.

Keywords: *bilingualism, variability, linguistic diversity, pluricentrism, pluricentric language, Russian as a world / international language*

For citation:

Shaibakova, Damina, Ekaterina Protassova and Maria Yelenevskaya. 2023. Linguistic pluricentrism and the Russian language. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

© Damina Shaibakova, Ekaterina Protassova and Maria Yelenevskaya, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Лингвистический плюрицентризм и русский язык

Дамина ШАЙБАКОВА¹ , Екатерина ПРОТАСОВА² ,
Мария ЕЛЕНЕВСКАЯ³

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Казахстан

²Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

³Технион-Израильский технологический институт, Хайфа, Израиль
 damina.lshaibakova@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о том, может ли русский язык рассматриваться как плюрицентрический в связи с тем, что он используется в различных странах и регионах мира, где существуют варианты русского языка. В России, Беларуси, Казахстане, Киргизии и других странах русский язык используется как официальный язык государственных органов и учреждений, однако в каждой из этих стран есть лингвокультурные особенности грамматики, лексики и фонетики, которые отличают его от других разновидностей русского языка. Кроме того, русский язык, используемый в странах, где он не является официальным языком, например, в Германии, Израиле, Финляндии, также имеет свои особенности, обусловленные его взаимодействием с другими языками и культурами. Цель исследования – показать, что разновидности русского языка, употребляемого за пределами России, могут быть рассмотрены как его плюрицентрические варианты, то есть как относительно самостоятельные языковые системы, имеющие свои особенности и различия. В теоретическом плане признание русского языка как плюрицентрического могло бы способствовать лучшему пониманию его различных вариантов, их сравнению на всех уровнях языковой системы и установлению соотношений друг с другом. В практическом плане это признание позволило бы проследить адаптивные возможности русского языка, которые варьируются в зависимости от региона и культурной среды, что в свою очередь сделало бы изучение русского языка более полным и интересным. Опираясь на теорию плюрицентризма и сравнивая практики использования русского языка, авторы пытаются установить общие черты русского плюрицентризма и выделить уникальные особенности казахстанского варианта русского языка, демонстрируя новые возможности для изучения гибкой адаптивности языка. Данный подход позволит лучше понять и оценить богатство и многогранность русского языка во всем мире.

Ключевые слова: билингвизм, вариативность, языковая разновидность, плюрицентризм, плюрицентрический язык, русский как международный

Для цитирования:

Шайбакова Д., Протасова Е., Еленевская М. Лингвистический плюрицентризм и русский язык. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>

1. Введение

История развития языков связана с множеством языковых изменений, происшедших на разных уровнях языковой системы: в артикуляции, грамматике, лексике и прагматике. Некоторые языки, такие как латынь и древнегреческий, развивавшиеся в античности, продолжали оказывать большое воздействие на другие языки в Средневековье и Новое время и не теряют своего

влияния и сейчас. Современный период связан с массовым распространением языковых школ и различных учебных заведений, а также с развитием технологий, таких как компьютеры и Интернет, которые значительно упрощают коммуникацию на разных языках и расширяют возможности для их изучения. Этот процесс зависит от многих факторов, включая исторические, политические, культурные, экономические и технологические изменения в обществе. Центробежные и центростремительные тенденции характерны для многих современных языков: с одной стороны, их знает, описывает и применяет все большее количество людей; с другой стороны, чтобы язык сохранялся и внутренне эволюционировал, необходимо, чтобы им пользовалась и приспособляла его к современным условиям жизни достаточно большая и устойчивая группа носителей (Müller & Wingender 2021, Mustajoki et al. 2021).

Эндогlossные изменения в языке происходят внутри самого языка и могут быть результатом его внутренней эволюции, изменений в грамматике, фонетике, лексике и т. д. Это звуковые сдвиги (такие, как замена одного звука другим), грамматические изменения (например, утрата или приобретение новых грамматических категорий), лексические изменения (типа появления новых слов или исчезновения старых, а также семантические сдвиги в уже существующих словах) и многое другое. Экзогlossные изменения в языке происходят под воздействием внешних факторов, таких как контакты между языками вследствие миграции, торговли, культурного обмена и т. д. Когда разные языки взаимодействуют между собой, это может приводить к заимствованиям и другим изменениям, влияющим на строй и словарь языка (Кобенко 2010, Шайбакова 2019б). Интересно, что даже замена буквы в алфавите может воздействовать на соответствующее переструктурирование языка: отныне слово прочитывается так, как в языке, откуда оно взято, с его произношением, которое затем экстраполируется на другие случаи.

В качестве одного из объяснений лингвистических трансформаций было признано взаимодействие разных языковых систем в определенной ситуации общения. Этот процесс может приводить к появлению новых языковых форм и явлений, пиджинов и креольских языков, заимствований и субстратных, суперстратных и адстратных явлений. Смешение языков происходит на уровне слова, фразы, предложения и текста. Языковые контакты вызывают процессы адаптации, аккомодации и ассимиляции, когда говорящие на одном языке переходят на другой язык, и языковой диффузии, когда языковые элементы распространяются из одного языка в другой через различные каналы коммуникации. Динамика подобных случаев непредсказуема и зависит от многих факторов, включая социальную, политическую и культурную обстановку, межличностные отношения и т. п. (Hickey 2020, Onysko 2016, Trudgill 2011). Существуют различные теории, объясняющие, как возникли языки и как они меняли свои функции и структуру со временем. Например, С.Р. Фишер отсчитывает историю коммуникации с момента, когда еще не был изобретен чело-

веческий язык, и доводит ее до взрывного расцвета средств массовой информации в наши дни, что связано с совершенствованием чтения и грамотности. Принимая во внимание рост смешанных лингвистических форм, он задумывается о том, как поменяются мировые языки в будущем (Fischer 2018).

Распространение мировых языков связано с процессом глобализации и межкультурной коммуникации. Ситуации, когда говорящие на разных языках взаимодействуют друг с другом, будь то в повседневной жизни или в профессиональной сфере, могут происходить в одно- и многоязычных средах. Когда империи колонизировали другие страны, они заимствовали местные слова и конструкции, а также вводили свой язык, что приводило к созданию новых разновидностей языков. Сейчас международные связи также способствуют языковым контактам (Lee & Choe 2021, Risager 2006).

На данный момент в мире существует несколько языков, которые используются как международные языки общения, такие как английский, испанский, французский, китайский, арабский и русский (далее РЯ). В качестве лингва франка могут выступать и местные языки. Одним из факторов распространения мировых языков является экономическая, политическая и культурная мощь стран, где эти языки являются официальными. Важную роль в распространении мировых языков играют каналы мультимодальной коммуникации (телевидение, кино, Интернет, социальные сети, мобильная связь), которые позволяют людям из разных стран и культур общаться и получать информацию на одном или разных языках. Вместе с тем существуют и другие языки международного общения, такие как эсперанто, специально разработанные для этой цели.

2. Идея языкового плюрицентризма

Плюрицентрические языки – это языки, которые используются в нескольких странах или регионах, где у них статус официального или доминирующего языка. Они имеют несколько равноправных центров или вариантов нормы или стандарта, но все они признаны как правильные и допустимые. На деле любой язык, представленный вне территории своего исконного формирования и функционирования, мог бы считаться плюрицентрическим, если бы не затруднения с определением его происхождения и политические амбиции (De Ridder 2023, Nilsson et al. 2018, Norrby et al. 2020).

Придуманное Х. Клоссом (Kloss 1952) для немецкого языка, это понятие было далее развито М. Клайном, австралийцем, родным языком которого был немецкий, в его книге «Плюрицентрические языки» (Clupe 1992), вызвавшей отклик во всем мире. Все это произошло в то время, когда обсуждалась реформа немецкой орфографии для устранения различий в кодификации немецкого языка в разных центрах. Плюрицентризм понимается как явление, при котором языки за пределами территории исхода развивают свои варианты, на них начинают говорить те, для которых они не являются родными. Одни из этих импортированных языков получают престижные функции вне

территории исхода, и тогда увеличивается число их носителей. Другие на чужой территории применяются как фактор поддержки идентичности этноса. Вариантиология и теория плюрицентризма – это теории, разные по охвату аспектов функционирования широко распространенных языков, но их объединяет то, что рассматриваются причины расхождения языков и их витальность.

Все плюрицентрические языки отличают трансграничность, трансэтничность и хотя бы частичная кодификация норм вне территории исхода, своя в каждом центре. Иногда в дальнейшем формируются смешанные языки Этническая принадлежность и язык могут не совпадать. В многочисленных исследованиях, выпущенных под руководством Р. Мура с соавторами (Muhr 2012, Muhr & Marley 2015, Muhr & Meisnitzer 2018, Muhr et al. 2013, 2016, 2020, 2022a,b), подчеркивается, что даже если конкретный язык с большой вероятностью является плюрицентричным, его может быть трудно кодифицировать из-за отсутствия компетентных институтов. Элиты могут сопротивляться признанию легитимности местной разновидности и дистанцироваться от людей, не использующих предписанную норму.

Зарождающаяся плюрицентричность может ограничиваться символическими словами типа «добро пожаловать», «прощай», формулами вежливости и извинения, восклицаниями, передающими эмоции, и т. п. (Eslami et al. 2023). В незнакомых коммуникативных ситуациях носители языкового варианта сталкиваются с неуверенностью в правильности и уместности привычного выбора слов и смущаются, осознав, что говорят иначе, чем остальные. Многие склонны придерживаться нормативного способа выражения, а другие не знают, какой из вариантов является локальным, а какой общепринятым. Иногда кодификация охватывает только те стороны речи, которые совпадают с доминирующей нормой письменного литературного языка, а устная речь не регулируется. То, как люди используют плюрицентрические языки с точки зрения прагматики, изучено недостаточно (см., например, Schneider & Barron 2008), и новые работы появляются как раз в этой области: кто и как ведет себя в пределах одного языка, но в разных условиях. Еще одно новое направление – рассмотрение импортированных языков с точки зрения плюрицентризма.

Возникает вопрос: что добавляет к пониманию процессов и результатов распространения языков идея плюрицентризма? Когда определенные группы людей получают официальный статус в обществе и государственную поддержку, это может привести к появлению новых слов и фраз в их языке, а также к признанию особенностей произношения, интонации, правописания, графики, принципов оформления текстов и даже грамматики, ранее существовавших в качестве девиантных.

Среди первых вопросов, которые задает социолингвистическая теория плюрицентризма, – кто определяет нормы языка и сколько времени требуется носителям языка и исследователям, чтобы почувствовать кардинальные изменения. Язык – самонастраивающаяся система, приспособляющаяся к потребностям говорящих, поэтому суждения о том, что представляют собой

языковые ошибки, а что можно считать локальными отклонениями, следует делать осторожно. Многие люди интересуются жизнью тех, кто проживает в других странах, разговаривая на том же языке, что и они сами, и вынужден справляться с жизненными проблемами в других обстоятельствах. Они замечают различия на бытовом уровне, могут умиляться, ужасаться, переживать или восхищаться в зависимости от того, каково их отношение к пуризму и прескриптивизму (Beal et al. 2023).

Отношение к норме и ее эволюция являются определяющими условиями квалификации варианта, притом что вариант языка – базовое понятие и в вариантологии, и в теории плюрицентризма. З.Г. Прошина (2015: 105–117) рассматривает плюрицентризм в оппозиции бицентризму, например, когда различались лишь два варианта английского языка – британский и американский. Теперь таких центров гораздо больше, и потребность в осознании этого факта растет. Уже давно программа проверки орфографии предлагает более десятка вариантов английского (в том числе для Тринидада и Тобаго) и около десятка вариантов испанского (в том числе для Колумбии). В этом программа опережает ученых, но явно идет вслед за потребностями пользователей. Если во времена сугубого прескриптивизма нужно было горевать по поводу своих «ошибок», то сегодня они – специфика локального варианта языка. Международная организация франкофонии направляет свою деятельность на укрепление отношений между входящими в нее странами и продвижение французского языка по всему миру, при этом Франция осознается как исторический центр языка. Французская академия предпринимает усилия по унификации французского языка для всех стран, где он считается официальным, однако она имеет лишь частичный успех, поскольку местные учреждения реализуют свою языковую политику (Иванова, Ульяницкая 2020).

Английский язык можно назвать плюрицентрическим, так как он используется как первый язык или официальный язык во многих странах мира, таких как США, Великобритания, Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия и многих других. Каждая из этих стран имеет свои особенности в использовании английского языка, уникальные акценты, лексику и грамматику (Formentelli & Hajek 2016, Rose & Galloway 2019, Rose et al. 2020). Испанский язык имеет несколько центров языковой нормы, у каждого из которых свои особенности произношения, грамматики и лексики. В качестве примеров можно привести Испанию, Латинскую Америку и Северную Америку (Cruz & Melo-Pfeifer 2022, Méndez-G^a de Paredes & Amorós-Negre 2019, Soares da Silva 2014). Немецкий – официальный язык в Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Бельгии и Люксембурге. Это язык меньшинств в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Хорватии, Словении, Сербии, Боснии и Герцеговине, Дании и России. Это один из официальных языков Европейского союза (de Cillia & Ransmayr 2019, Dollinger 2019, Leonardi 2021, Pucher et al. 2022, Scharloth 2005).

Французский язык является официальным языком во многих странах, включая Францию, Бельгию, Швейцарию, Канаду, Люксембург, Гаити,

Маврикий, Сенегал, Кот-д’Ивуар и другие страны в Западной Африке. Он используется как второй язык или официальный язык во многих других странах, таких как Марокко, Тунис, Алжир, Ливан, Вьетнам, Камерун, Конго, Центральноафриканская Республика, Мадагаскар, Сейшельские острова. Французский язык также является одним из шести официальных языков ООН и языком дипломатии и международных отношений (страны франкофонии) (Walsh 2021).

Португальский язык является официальным языком в Португалии, Бразилии, Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Восточном Тиморе, Экваториальной Гвинее и Макао. Он широко используется в других странах, таких как Гвинея-Бисау, Мозамбик, Ангола, Замбия, Намибия, ЮАР, Свазиленд, Малави, Танзания, Кения и другие африканские страны. Португальский язык также используется в качестве неофициального языка в таких странах, как Гаити, Люксембург, Намибия, ЮАР, Индия, где он служит для коммуникации и образования (страны лузофонии) (Moita-Lopez 2015).

Китайский язык используется не только в Китае, но и в других странах, где есть значительные китайские коммуны, таких как Сингапур, Малайзия, Индонезия, Филиппины и др. (Kaltenegger 2020). Хауса является национальным языком Нигерии и широко используется в других странах на западе Африки (Гана, Кот-д’Ивуар, Нигер и Того) как язык бизнеса и межнационального общения. Арабский, армянский (Novannisian 2004), венгерский (Vančo et al. 2020) и боснийский/сербский/хорватский/черногорский (Ćalić 2021, von Waldenfels & Eder 2016) часто упоминаются в этом ряду. Современные компьютерно-статистические методы позволяют собирать большие массы данных для подтверждения той или иной гипотезы, относительно распространения языков.

Преподавание английского языка в мире на стыке лингвистики, языкового образования и аудиторной практики уже претерпевает изменения (Proshina & Nelson 2020). Его распространение по всему миру, большое количество людей, говорящих на нем как на втором (иностранном), в каком-то смысле противоречат тому, что он преподается прежде всего как нормативный британский или американский английский, а не тот, с которым люди постоянно встречаются в своем окружении и который нужно научиться понимать (Aronin & Yelenevskaya 2022, Callies 2022, Callies & Hehner 2023). Сегодня общение с носителями стандартного варианта является скорее исключением, чем правилом. Сложности связаны также с преподаванием языка как интер- и транснационального (Norrby et al. 2020, Nielsen 2017, Yelenevskaya & Protassova 2021).

Судьба плюрицентрических языков во многом определяется причинами их распространения и языковой политикой государства, что наиболее заметно в законодательстве, образовании и СМИ. Активно развивается такое направление, как экономика языка, где исследуются коммодификация как всего

корпуса употребления языка, так и его отдельных частей. Финансирование рынка учебных аутентичных материалов, рекламы и индустрии развлечений способствует распространению языков (Едличко 2017: 119–120). Чем интереснее ассортимент продуктов на языке, тем сильнее он рекламируется, тем он более привлекателен для изучения, а чем больше людей его знает, тем значительнее приобретаемая выгода от владения языком и его употребления. Коммерциализация в области нейминга, перевода, образования продвигает многие коммуникативно мощные плюрицентрические языки. Разновидности языка отражаются и в учебниках, создаваемых в разных странах, например, в разделах, касающихся тематических блоков наименований еды, напитков, одежды, музыкальных инструментов, спорта, построек, быта, праздничных ритуалов и т. п. (Едличко 2020: 157).

В теории плюрицентризма обсуждаются вопросы, связанные с реальными трудностями функционирования языка на «неисконной» территории в новых геополитических условиях, обеспечения языковых прав меньшинств, изучаются жизнь языка в иноязычном окружении, диаспоры и языки в эмиграции (лингвоэмигрантология, диаспорология, креолистика и др.). Используются методы моделирования (в том числе компьютерного), картографирования, лексико-статистических измерений. Исследования опираются на конверсационный анализ, речевое портретирование, интервьюирование, опросы, анализ документов, ассоциативные и другие психолингвистические эксперименты, текстовый, тематический и контент-анализ. Диалингвальный анализ относится к изучению языковых явлений в контексте многоязычия, когда один и тот же человек использует несколько языков и в его вербальном поведении наблюдаются переключение кода, интерференция, особые когнитивные процессы, лингвокультурные стратегии и практики, а также влияние мультилингвизма на идентичность. Кросскультурный анализ, в свою очередь, помогает изучать языковые явления в контексте межкультурных коммуникаций, их влияние на речевое поведение и поступки, выбор языка, перевод и толкование текстов, адаптацию языка в межкультурных взаимодействиях и т. д. Лингвистическая антропология изучает под углом плюрицентризма культурные реалии, стереотипы, мифы и их значения, идиомы, метафоры, особенности юмора многоязычных сообществ и прочие явления.

3. Русский язык как плюрицентрический

Термин плюрицентризм/плюрицентричность применительно к РЯ является достаточно новым и встречает противодействие со стороны некоторых лингвистов, поскольку отклонения от централизованной нормы имеют тенденцию рассматриваться как контаминации и нарушения. Однако, принимая во внимание, что после распада Советского Союза русскоязычные общины распространились во всем мире, а независимые государства, возникшие на месте СССР, обрели свои законодательства, было бы неразумно занимать пуристскую позицию, игнорируя реалии уже существующих новых центров

развития РЯ и не изучать реальный язык, который успешно действует на множестве территорий по своим законам и удовлетворяет потребности его носителей (Mustajoki et al. 2020, Protassova et al. 2021a,b). Языковая политика контроля и попытки навязать московский или петербургский стандарт в рассредоточенных языковых сообществах вряд ли будут продуктивными. Вместо этого важно изучить функции, в которых РЯ используется вне страны, документировать изменения, которые претерпевает язык, и их причины (Еленевская и др. 2019, Мустайоки, Протасова 2004, Kamusella 2018, Mustajoki et al. 2010, Nikunlassi & Protassova 2019).

Хотя очевидно, что РЯ присутствует в разных пропорциях во всех странах мира, признание его права на вариативность пробивает себе дорогу, преодолевая множество препятствий. Если согласиться с тем, что норму за пределами первичного центра распространения языка невозможно в полной мере контролировать, то придется одобрить существование множества вариантов и даже поощрить их систематизацию. Ведь это не новые языки, а новые формы одного языка, сохраняющего живучесть и способного не только выживать, но и развиваться в разнообразных условиях, так сказать, своеобразная русофония. Не имея кодифицированной нормы в вариантах, т. е. нормы, отраженной в словарях и грамматиках для каждого ареала своего употребления, в своих разновидностях РЯ имеет иные в сравнении с исходным (материковым) языком (или языком метрополии) правила регулирования коммуникации, реализует иные дискурсивные стратегии. Отсутствие институциональной кодификации не означает, что РЯ в разных ареалах одинаков. Бесспорно, различия есть. Применяются термины «структурные» и «функциональные» варианты РЯ, которые отражают степень изменений и их глубину (Шайбакова 2005, Norman & Кузе 2020, Ryazanova-Clarke 2014).

Выделить убедительные дивергентные черты плюрицентрического языка чрезвычайно трудно, и невозможно представить как единое целое все системные изменения, ведь все носители языка, проживающие в конкретном регионе, могут иметь специфическое образование на разных языках, разную степень владения своим первым, вторым, третьим и т. д. языками, несравнимое количество контактов с носителями иных языков. Сегодня принято располагать компетенции носителя языка по шкале от максимального владения к минимальному, причем, как говорят мультилингвы, они не готовы ранжировать языки по степени близости им. Методика расположения языков по степени эмоциональной окрашенности («близкий по сердцу / желудку / разуму / работе / хобби», «вызывающий печаль, гнев, радость, смех» и пр.) помогает уточнить, какое значение имеют языки для индивидуума, но не дают понять, в какой степени он ими владеет. Распределение функций между языками может подсказать, какие лексические области и конструкции, необходимые для выживания, присутствуют в его языковом репертуаре, но не более того. Понятие «родного языка» не считается достаточно строгим: как известно, представители миноритарных языков могут считать родным языком

наследственный, такой, на котором говорили в действительности их прабабушки и прадедушки, а они сами им не владеют, за исключением нескольких бытовых тэгов. Уважение к своему наследию, к прошлому своего народа не обеспечивает само по себе знание языка, и наоборот. При переписи населения знание языка не проверяется, а только заявляется, поэтому подлинная картина владения языками отсутствует. Есть также путаница в терминах *родной / первый по времени усвоения / главный по важности / материнский / свой / семейный* и т. п. язык. При проверке степени владения этими языками тестируемый может провалиться.

Владение языком зависит от множества факторов, таких как время, место и способ изучения языка, а также особая связь с ним. Лица, выучившие язык как второй или иностранный, подчас знают его лучше, чем те, кто овладел языком в семье, но они обычно не считают, что это их родной язык. Чтобы язык считался родным, необходимо, чтобы человек вырос в среде, где этот язык является основным средством общения. Если человек выучил иной язык во взрослом возрасте или в другой культурной среде, то у него может не возникнуть глубокой эмоциональной и культурной личной связи с языком (есть исключения). Такие люди часто используют его только в определенных ситуациях, таких как работа, учеба или общение с определенной группой людей, где он остается скорее функциональным инструментом общения. В повседневной жизни или в интимных ситуациях родной язык считается более естественным и комфортным, насыщенным воспоминаниями. Однако для следующего поколения такой язык может стать именно *родным*, если постоянно будет применяться в окружении. В условиях миграции известны многочисленные случаи, когда, попав в иноязычное окружение, человек, особенно подросток, отказывался от первого языка, с тем чтобы максимально ассимилироваться в новой среде. В дальнейшем личностная ориентация порой меняется и происходит возврат к первому языку.

Поскольку масса населения состоит из индивидуальных личностей, следует учитывать их установки по отношению к языкам и взаимодействие инструментальных и символических функций языка. Люди имеют несовпадающие мотивации и цели в изучении языков, а также разные уровни заинтересованности в конкретном языке. Внешние исторические, политические и экономические обстоятельства отчасти регулируют состав набора изучаемых языков. Некоторые люди изучают язык в качестве необходимого инструмента для работы или путешествий, в то время как другие знакомятся с языком из интереса к культуре или истории страны, где этот язык используется. У людей бывают определенные предубеждения или стереотипы по отношению к некоторым языкам или культурам, задающие установки к изучению языка. В связи с увеличением миграций растет количество межэтнических браков, и часто члены таких семей идут на курсы, чтобы выучить язык супруга. Если раньше считалось, что языки надо учить смолоду, то сейчас это стало популярным хобби среди пожилых людей, ведущих активный образ

жизни и желающих предотвратить наступление деменции. Если принять во внимание предпочтения разных групп и индивидов, то это поможет в создании более эффективных методов обучения языкам, соответствующих конкретным потребностям и интересам учеников. В связи с этим особенно важно понять, хотят ли потенциальные обучаемые получить в качестве преподаваемого языка тот вариант, который в реальности используется в их окружении, или тот вариант, на котором говорят где-то, где им, возможно, никогда в жизни не удастся побывать. Так, в качестве шведского языка может преподаваться литературный вариант, местный диалект, контактная разновидность, финляндский шведский или его варианты – и то же самое касается РЯ.

Язык как средство коммуникации должен быть приспособлен к разным задачам, поставленным перед пользователями языка в разных сферах жизни. Например, в деловой сфере язык должен быть привязан к профессиональным терминам и фразеологии, в то время как в повседневной жизни он может быть более свободным и неформальным. Некоторые люди могут использовать язык только на базовом уровне, в то время как другие могут обладать более продвинутыми знаниями и умениями. Языковые курсы и программы обучения должны учитывать различные цели и уровни языковой компетенции, чтобы удовлетворять потребности разных групп учащихся. Язык является важным аспектом культуры и национальной идентичности, и его использование может быть связано с выражением своей личности и принадлежности к определенной группе. Поэтому языковые программы обучения должны учитывать эту связь и помочь учащимся выражать свою идентичность через использование языка, что не перечеркивает потребности знать о том, какое лингвистическое (сверх)разнообразие существует внутри языка и в его окружении. Такой подход будет способствовать тому, чтобы сделать язык более доступным и полезным для разных групп людей и создать более эффективные методы обучения языкам. В частности, это может касаться преподавания вариантов РЯ в диаспоре. В то же время несмотря на определенную осведомленность о проблеме языковых вариаций, стандартный вариант, используемый в России, по-прежнему пользуется большим авторитетом среди опрошенных нами зарубежных носителей РЯ по сравнению с другими имеющимися вариантами. Более того, результаты показывают, что за рубежом происходит стандартизация особого рода: приехавшие из разных регионов и стран вступают в интеркультурную коммуникацию на РЯ, являющимся для них первым, вторым или третьим по времени усвоения, и в результате дети находятся под влиянием разнообразных форм языка.

У билингов, выучивших оба языка в семье, взаимное влияние языков присутствует изначально, что может привести к появлению уникальных черт в использовании языков, таких как употребление иноязычных и смешение разноязычных элементов, переключение между языками внутри одного предложения или слова, построение высказываний по моделям одного языка

из материала другого языка, создание гибридных форм и т. д. Эти особенности могут проявляться даже в том случае, когда родители стремятся сохранить четкое разделение языков в своей семье. Те же, кто выучил второй язык в окружении, оказываются под воздействием доминантного языка (или языков) страны несколько позже, что чревато тем, что после периода вхождения и освоения новой речи они будут использовать этот язык чаще и с большей уверенностью, чем свой первый язык. Таким образом, влияние языков на билингвов может быть очень различным, в зависимости от того, как и когда они изучили языки и как они используют их в повседневной жизни, однако все вместе они образуют континуум языкового употребления, корпус языковой разновидности, типичные черты которой могут в результате внутригрупповой коммуникации обобщиться и транслироваться следующим поколениям.

Большинство исследователей осторожно подходит к квалификации вариантов языка. Одним из условий утверждения о наличии вариантных черт являются значительные количественные различия в лексике, причем речь идет не только о тех иноязычных словах, которые функционируют как экзотизмы, сохраняющие морфологические особенности языка источника, но прежде всего те, которые подверглись деривационным процессам и обросли русскими аффиксами, что свидетельствует об их интеграции. При этом выявить закономерность возможно лишь при достаточно большом объеме эмпирического материала (ср., например, работы по РЯ в Эстонии). Помимо общеизвестных методов сбора материала, применяется изучение языковой рефлексии говорящих, маркируемых конструкциями типа: *у нас свой язык / своя речь, в Москве и Петербурге говорят по-другому, в России таких слов нет, как у нас говорят, как мы говорим, хотя другие говорят не так, как мы привыкли* и т. п. Носители диаспорального варианта языка подчеркивают, что в России им непривычно слушать, как говорят по-русски, потому что там не вставляют в речь слова другого языка (например латышского), потому что говорят не с таким акцентом (не с привычным им), потому что надписи только по-русски и по-английски (а не в первую очередь на своем), потому что надо помнить, кому говорить «ты», а кому «вы», (а не всем одинаково, как в английском или иврите) и т. д. Эти аспекты плюрицентризма можно зафиксировать, если вступить в непосредственное общение с сообществом говорящих на каком-либо варианте языка. В ситуации с РЯ структурные изменения незначительны, наиболее заметны коммуникативные вариантные особенности, перенос дискурсивных норм одной лингвокультуры на другую, отчасти потому, что РЯ является в ряде стран бывшего СССР языком науки, бизнеса, торговли и используется как язык межнационального общения представителями иных этносов, и в этом качестве обслуживает сферы семейного и дружеского общения.

4. Особенности функционирования русского языка как плюрицентрического: пример Казахстана

Д.Д. Шайбакова (2015, 2019а) выделяет компоненты, которые следует учитывать при описании плюрицентрических языков:

- **Исторический аспект:** причины и условия утверждения языка на чужой территории, во многом определяющие его дальнейшее существование. Языки иногда оказываются в разных странах по причине распада единого государства (например, корейский). Распространение ряда языков связано с продвижением религии (арабский, греческий, латынь). Язык дисперсно развивается также вследствие миграции народов (армянский), бегства от войны и политических беспорядков (сомалийский), предложения работы высококвалифицированным специалистам (немецкий, хинди), поисков лучших условий для создания семейного очага и бизнеса (китайский). В зависимости от причины исхода определяются сферы применения, число говорящих, ареалы бытования и т. п. Соответственно, РЯ распространялся по миру в связи со всеми этими обстоятельствами.

В Казахстане проникновение РЯ начинается с периода присоединения казахских земель к России в середине XVIII века.

- **Социально-демографический аспект:** число говорящих, компактность расселения, простота контактов со страной исхода. Крупные диаспоры имеют больше шансов для удержания идиома и расширения его функций. Компактность проживания способствует развитию языка вне ареала исхода. Благодаря технологическому прогрессу и массовым миграциям язык в современном мире меняется быстрее, чем раньше, появляется громадное число мемов, возникают и исчезают модные обороты и пр. Современные средства связи создают условия для актуализации языковых средств, новообразования языка диаспоры проникают в язык метрополии и наоборот, постоянное общение на РЯ в соцсетях в транснациональных сообществах по интересам способствует его сохранению и поддержанию. Русскоязычные СМИ в России и за рубежом находятся в постоянном диалоге.

В независимом Казахстане, благодаря юридически определенному статусу, несмотря на заметный отток русскоязычного населения, функции РЯ сохраняются в полном объеме, но его коммуникативное пространство сокращается, что в том числе связано с демографическими изменениями, значительным увеличением процента титульного населения.

- **Ареальный аспект:** территория распространения, расселение носителей языка по признаку село/город, соответственно, разный образ жизни, интересы, круг общения. Впрочем, и здесь социальные сети играют свою позитивную роль и передают самую свежую информацию почти в любые уголки Земли. Число ареалов также не является определяющим фактором, но имеет геополитическое значение. Распространение языка в городских сферах коммуникации расширяет спектр функций языка, например, его присутствие в лингвистическом ландшафте, его наглядность в музейной сфере,

образовании, туризме и т. п. В частности, активисты и переводчики уже создали памятки для русскоязычных иммигрантов и гостей различных стран, в которых видна медиация по поводу социокультурных реалий, которая затем находит отражение в языке сообщества.

Широта применения РЯ неравномерна в разных регионах Казахстана. В южных областях наблюдается заметное преобладание казахского, на севере, западе все еще сильны позиции РЯ. Прибывающие из России мигранты предпочитают большие города и русскоязычные регионы – Караганду, Костанай, Павлодар и др. Возросшую миграцию россиян в Казахстан также рассматривают как фактор укрепления РЯ в стране.

• **Статусно-правовой аспект:** законодательная фиксация статуса языка и комплекс мер по поддержанию (или игнорированию) языка. Будет ли язык признан в качестве официального, иммигрантского, миноритарного либо останется иностранным, насколько он окажется важным в системе языковой политики государства – все это повлияет на возможности финансирования его преподавания, книгопечатания, присутствия в публичном пространстве. Сюда относится и вопрос «язык и власть». Власть отчасти признает или задает функции языков, каналы коммуникации в ряде сфер, кодификацию импортированного языка, продвижение или навязывание определенных моделей обучения и т. д. Коммуникативно мощные языки получают официальный статус даже при отсутствии большого числа исконных носителей (как ранее РЯ в Монголии). Особо надо отметить, что бывают случаи, когда статус языка не определен законодательно, но он широко используется в общественной сфере, например, в различных сервисах, рекламе, языковом ландшафте и дополнительном образовании (например, РЯ в Израиле и Финляндии).

Определенный Конституцией особый статус РЯ в Казахстане обеспечивает его обязательное изучение во всех типах учебных заведений, функционирование во всех сферах коммуникации, что является условием его удержания в стране.

• **Лингвистический аспект:** изучение особенностей и функционирования соответствующего языка, регистрация отклонений от центральной нормы, их оценка с точки зрения оправданности или нежелательности экспертной комиссией, оформление локальных норм, принятие компетентных решений по принципам перевода и толкования терминов. Если в стране или в данной местности подавляющее большинство – билингвы, то важно проанализировать, кто, когда и с кем, о чем и как говорит и на каком языке. Возможно, не только первый язык влияет на второй, но и второй на первый. Воздействие второго языка часто ограничивается вкраплениями в речи, проникновением в узус, но может затрагивать систему контактного языка. Новые нормы через какое-то время, желательно, по согласованию с учеными, государственной властью и населением, могут подвергаться кодификации, в частности, быть зафиксированными в словарях, грамматиках, учебниках, в онлайн-корпусе используемого языка.

Появление различительных черт неизбежно. В силу массового казахско-русского билингвизма, усиления семиотичности казахской культуры РЯ в Казахстане приобретает новые коммуникативные нормы. Помимо того, появляются новые модели словообразования, пополняется казахизмами словарь. В неисконной речи не воспринимается как девиация порядок слов, свойственный тюркским языкам, – глагольное сказуемое ставится в конце предложения. Все это определяет регионализацию языка.

• **Социально-политический аспект:** популяризация предлагаемых решений через СМИ, работа с лидерами общественного мнения, дискуссионные и творческие клубы, создание собственного культурного центра, музея, библиотеки, клуба, театра, помещение информационных материалов на портале, сбор дополнительной информации о речеупотреблении и установках населения к самостоятельности описываемого варианта языка. Знакомство с инфраструктурой сервисов на описываемом языке. Написание истории сообщества. Создание собственных материалов для поддержки языка, написание своих художественных произведений, в том числе и для их театрализации. Представительство в местных и национальных органах власти.

В мультикультурном пространстве вырабатываются особые нормы, клише, стереотипы, формируется новая оценочность. Говоря о межкультурном взаимодействии в казахстанской коммуникации, обычно вспоминают регионализмы, входящие в контактный язык, тем самым усиливая дистанцирование вариантов от стандарта. Сюда входят урбанонимы, онимы, названия географических мест, фирм, учреждений, институций, музыкальных инструментов, одежды, игрушек, посуды, традиционных видов спорта, проектов, гипокористики, принятые сокращения и т. п. (Алишариева и др. 2017, Протасова и др. 2018). Особую группу составляют обязательные заимствования, обозначающие элементы государственной структуры, наименования партий, фольклорных персонажей, элементы суеверий, ритуалов и обычаев.

Казахские слова в РЯ могут приобретать дополнительные коннотации. Так, ироничное *агашки* (от каз. аға – старший брат, обычно означает старшего человека) в русскоязычном дискурсе выступает обозначением косного, консервативного, но влиятельного немолодого человека, чаще чиновника. Слово становится символом косности, коррупции:

- (1) *Казахстанские агашки – тормоз прогресса и рассадник клановой формы правления* (из диалога экспертов).
- (2) *Агашки оказались тормозом прогресса и рассадником клановой формы правления* (Шайбакова и др. 2020: 218).
- (3) *Агашки как неформальный институт стали неотъемлемой частью политической и экономической жизни Казахстана* (Шайбакова и др.

Влияние культуры можно проследить на невербальных средствах коммуникации. Чаепитие в Казахстане может заканчиваться русским вербальным *Достаточно!* или казахским *Болды!*, в знак чего пиалу кладут на бок или

переворачивают, вслед за чем следует молельный жест казахов – ладони обеих рук подносятся к лицу. Так делают все сидящие за столом, независимо от национальности, такая традиция еще остается в аулах.

В условиях функционирования языка в билингвальной среде формируется несколько типов речи – исконной и неисконной, и в этом случае невозможно говорить о единой региональной норме, а в билингвальном просторечии смешение контактных языков не предполагает какой-либо закономерности. Например:

- (4) *Главное сказать, что ты, Гуля, татенин баласы [сын тети Гули] – незваный гость на свадьбе.*

Этот прием порождает достаточно широко распространенный тип макаронической речи.

Билингвальная среда рождает языковую игру. Это отличает молодежную коммуникацию в Казахстане. Новое словоупотребление фиксируется на платформах интернета, например: *Желорда* (неофициальное название столицы, от жел ‘ветер’), *жейберализм* ‘свободная коррупция’, *тойфун* ‘сезон свадеб’, *оралмания* ‘территории, заселенные этническими казахами-репатриантами’, *фишбармак* ‘бешпармак из рыбы’, *байфренд* ‘богатый друг’, *енеконда* ‘све-кровь + анаконда’ и др. Иронические обозначения, разговорные формы могут стать общеупотребительными. Приведем пример того, как появляются такие названия:

- (5) *Сам факт создания поселка для оралманов вызывает раздражение у жителей соседней Новоявленки (и у казахов, у русских). Помогая оралманам, государство выделило их в особую категорию, которую местные жители рассматривают как «чужих», «тех, для которых все это построили» (на фоне «нас, до которых дела нет»). Их называют «нурлукошевцы» (по названию программы), а само поселение – «Оралманией» (Поправко 2014: 210).*

Подобного рода слова произведены по модели РЯ. Но обязательные заимствования (казахские термины, обозначающие государственные программы, приложения) часто не адаптируются, передаются так, как в оригинале (ср.: *Ashyq* или *Ашык* – QR-код в период ковидного карантина, *Серпін* – Национальный фонд социального развития). Например:

- (6) *Девушка с удовольствием рассказала нам, как прошли годы учебы «в холоде» и с какими трудностями придется столкнуться участнику программы «Серпін 2050 (otygar.kz).*

В прагматическом плане культурное влияние казахского языка сказывается на актуализации таких языковых средств, которые не задевают достоинства и самолюбия собеседника; на использовании в русской речи региональных коммуникативов, например, казахстанское *анау-мынау* заменяет русское «то да сё». Соблюдаются требования политкорректности: в обыденной полиэтнической коммуникации возникают свои табу; как правило,

не затрагиваются запрещенные темы разговора, например, национальный вопрос, поскольку часто он вызывает обиду. Традициями мусульманской культуры накладываются ограничения на использование бранной лексики, инвектив, сферы интимных отношений. В русской речи употребляются казахские слова приветствия (*салем, салам*), сопровождающиеся казахским рукопожатием (обеих рук), прощания (*хош*). необходимо учитывать символику цвета, чисел, цветов, животных и т. д.

К числу лингвокультурных феноменов относятся апеллятивы: обращение *жаным* «милый», *айналайын* «дорогой». Эндемичный концепт *айналайын* содержит глубокий смысл: «кружусь вокруг тебя», «принимаю твои болезни», который не в полной мере воспринимается теми, для кого казахский язык не является родным. Уважительное обращение представляет гипокористику имени с добавлением суффикса *-ке*:

(7) *Маке, поздравляю Вас с днем рождения!* (от имени Макен).

Мигранты из России легко усваивают речевые клише, стандартные формулы вежливости на казахском языке и используют их чаще, чем казахстанские русскоязычные граждане. В свою очередь и алматинцы легко отличают приезжих россиян не только по внешнему виду, но и по речи. Многие иммигранты любят пересыпать речь англицизмами:

(8) *Мне сделали апгрейд номера в гостинице.*

Сами мигранты отмечают это:

(9) *Озвучу вообще крамольное для россиян наблюдение: у казахской молодёжи, получившей высшее образование, русский язык намного чище и богаче. Без англицизмов, фени и сортирцины. Опять же сам слышал не раз и не два. Но почему-то нам в России и это не нравится* (Выползов 2022).

Представление о консервативном языке как о более качественном типично и для метрополии, и для диаспоры.

5. Обсуждение и заключение

Плюрицентрические языки, в том числе РЯ, могут оказаться как переходящим, так и относительно длительно сохраняющимся явлением. Их будущее зависит от того, насколько они необходимы, привлекательны и удобны для большинства пользователей. В этом смысле стоило бы снизить планку нормативности и прескриптивизма, чтобы выиграть в числе носителей языка. В самом деле, у мультилингвов выше шансы быть признанными в качестве имеющих право на использование языка в том варианте, который им удобен. Идею русофонии стоит продвигать шире, чем это делалось до сих пор, и местные инициативы в данном направлении могли бы стать более содержательными. Языковые образовательные услуги также являются товаром, спрос на

который возрастает. Растет и конкуренция языков за право участвовать в коммерческих сферах и нишевых рынках.

Носители плюрицентрического языка должны отождествлять себя с местным вариантом, считать его своим, признавать его как часть своей идентичности и понимать его отличия от других вариантов языка. Первый язык может быть важной частью личной идентичности, и это может отличать его от языков, которыми носитель владеет на более высоком уровне. Чтобы удовлетворять потребностям обучаемых, язык должен быть привязан к разным целям и уровням овладения им.

В контексте плюрицентризма каждый языковой вариант рассматривается как сравнительно самостоятельная система, имеющая свои особенности в грамматике, лексике и фонетике. Примеры экзогlossных изменений в языке могут включать заимствование слов из других языков, адаптацию грамматических правил под влиянием других языков, изменение произношения под влиянием иностранных звуков и т. д. В формирующихся вариантах РЯ возникает устойчивая категория освоенных языком облигаторных заимствований – иноязычных единиц – безэквивалентных обозначений реалий страны пребывания, употребляемых всеми в ареале бытования варианта, как в РЯ постсоветских стран, хотя их кодификация еще не произведена. В индивидуальной речи отмечаются и инвазивные заимствования, объясняемые индивидуальной приверженностью лиц определенного круга к иной культуре. Менее изучены аддитивные и производные заимствования. Чаще всего их принимают из соображений прагматических: чужое слово оказывается более лаконичным, употребление иноязычного слова указывает, что говорящий владеет иным идиомом. От самого индивидуума и глубины его проникновения в ткань второго языка будет зависеть, как часто, в каком объеме, с какой стилистической нагрузкой он будет использовать фрагменты каждого из языков, насколько красиво и осмысленно сочетать их, уместно цитировать или искать эквиваленты.

Признание языка плюрицентрическим откроет возможности для более глубокого и детального осмысления и описания разновидностей РЯ, существующих в разных регионах и странах, для прослеживания его адаптивных возможностей и механизмов функционирования в разных контекстах и сферах использования, для сравнения разных вариантов между собой по всем уровням языка (фонетическом, грамматическом, лексическом, прагматическом и др.), для более точного сопоставления их особенностей и специфических черт. Это, в свою очередь, может иметь важное практическое значение для различных областей, связанных с использованием русского языка, таких как экономика, образование, межкультурная коммуникация, перевод и т. д. В теоретическом плане такой подход позволит не только выявить различия и сходства между разными вариантами русского языка, но и понять их причины и исторические корни, выявить как наиболее устойчивые, так и слабые звенья, которые первыми поддаются изменениям под влиянием контактных

языков. Признание РЯ плюрицентрическим может стать важным шагом в его более глубоком и всестороннем изучении, а также способствовать более продуктивному использованию в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 231–263. [Alisharieva, Akbota, Zhanar Ibraeva & Ekaterina Protassova. 2017. Kazakhstani Russian: A view from the side. *Ab Imperio* 4. 231–263. (In Russ.)].
- Выползов А. Что не так с русским языком в России и Казахстане? // *Независимая*. 27.09.2022. [Vypolzov, Andrey. 2022. What is wrong with the Russian language in Russia and Kazakhstan? *Nezavisimaja*. 27.09. (In Russ.)]. https://www.ng.ru/vision/2022-09-27/100_2209271250.html (дата обращения 12.06.2023)
- Едличко А.И. Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 4. С.118–127. [Edlichko, Anzhela I. 2017. The commercialization of language in the context of state language policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 4. 118–127. (In Russ.)].
- Едличко А.И. Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 154–163. [Edlichko, Anzhela I. 2020. Pluricentricity of the German language as a problem of language teaching methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 1. 154–163. (In Russ.)].
- Еленевская М.Н., Протасова Е.Ю., Шайбакова Д.Д. Идея плюрицентричности и русский язык // *Русское слово в многоязычном мире*. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 62–67. [Yelenevskaya, Maria N., Ekaterina Y. Protassova & Damina D. Shajbakova. 2019. The idea of pluricentricity and the Russian language. *Russian Word in the Multilingual World*. 62–67. St. Petersburg: MAPRYAL. (In Russ.)].
- Иванова В.А., Ульяницкая Л.А. Особенности языковой политики в отношении плюрицентрических языков на примере французского языка // *Дискурс*. 2020. Т. 6. № 5. С. 113–129. [Ivanova, Victoria A. & Liubov A. Ulianitckaia. 2020. Pluricentric languages policy features through the example of French. *Discourse* 6 (5). 113–129. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-113-129>
- Кобенко Ю.В. Экзоглоссная и эндоглоссная фазы языковой эволюции // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 4–2. С. 55–59. [Kobenko, Jurij V. 2010. Endoglossic and exoglossic phases of language evolution. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 4–2. 55–59. (In Russ.)].
- Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Helsinki: University of Helsinki, 2004. [Mustajoki, Arto & Ekaterina Protassova (eds.). 2004. *Russian-Speaking Person in a Different-Language-Speaking Surrounding*. Helsinki: University of Helsinki. (In Russ.)].
- Поправко И.Г. Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане // *Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 10. С. 206–216. [Popravko, Irina G. 2014. Strangers among their own: Repatriates, authenticity and everyday borders in Eastern Kazakhstan. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Religiovedenie* 10. 206–216. (In Russ.)].

- Протасова Е.Ю., Ибраева Ж.К., Алишариева А.Н. Особенности языка русскоязычных СМИ Казахстана // *Уральский филологический вестник*. 2018. № 2. С. 384–399. [Protassova, Ekaterina Y., Zhanar K. Ibraeva & Akbota Alisharieva. 2018. Peculiarities of the Russian language in the Russian-language mass-media of Kazakhstan. *Ural Herald of Philology* 2. 384–399. (In Russ.)].
- Прошина З.Г. Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. № 1. С. 105–117. [Proshina, Zoya G. 2015. Terminological confusion in a new linguistic perspective: Metalanguage of the English diversity studies. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of Language, Semiotics, Semantics* 1. 105–117. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. *Функционирование русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра*. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005. [Shajbakova, Damina D. 2005. *Functioning of the Russian Language in Kazakhstan: Yesterday, today, tomorrow*. Almaty: KazNU im. Abaja. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. (ред.) *Плюрицентрические языки: справочно-аналитические материалы*. Алматы: Ұлағат, 2015. [Shajbakova, Damina D. (ed.). *Pluricentric Languages: Information and Analytic Materials*. Almaty: Ұлағат. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. Плюрицентрический подход к анализу языковой ситуации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. 2019а. № 5. С.160–168. [Shajbakova, Damina D. 2019а. Pluricentric approach to the analysis of linguistic situation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija "Russkaja filologija"* 5. 160–168. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д. Эндоглоссная и экзоглоссная направленность в коммуникации диаспоры // *Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология»*. 2019б. № 2. С. 8–14. [Shajbakova, Damina D. 2019b. Endoglossic and exoglossic directionality in the diaspora communication. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija "Filologija"* 2. 8–14. (In Russ.)].
- Шайбакова Д.Д., Протасова Е.Ю., Джундубаева А.А. Плюрицентрические языки в исследовательских моделях. Алматы: Балауса, 2020. [Shajbakova, Damina D., Ekaterina Y. Protassova & Alla A. Dzhundubaeva. 2020. *Pluricentric Languages in Research Models*. Almaty: Balausa. (In Russ.)].
- Aronin, Larisa & Maria Yelenevskaya. 2022. Teaching English in Multilingual Israel: Who teaches whom and how: A review of recent research, 2014–2020. *Language Teaching* 55 (1). 24–45. <https://doi.org/10.1017/S0261444821000215>
- Beal, Joan C., Morana Likač & Robin Straaijer (eds.). 2023. *The Routledge Handbook of Linguistic Prescriptivism*. London: Routledge.
- Čalić, Jelena. 2021. Pluricentricity in the classroom: The Serbo-Croatian language issue for foreign language teaching at higher education institutions worldwide. *Sociolinguistica – International Yearbook of European Sociolinguistics* 35 (1). 113–140. <https://doi.org/10.1515/soci-2021-0007>
- Callies, Marcus & Stefanie Hehner (eds.). 2023. *Pluricentric Languages and Language Education: Pedagogical Implications and Innovative Approaches to Language Teaching*. London: Routledge.
- Callies, Marcus. 2022. *Glocalising Teaching English as an International Language: New Perspectives for Teaching and Teacher Education in Germany*. London: Routledge.
- Clyne, Michael G. (ed.) 1992. *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Cruz, Mário & Silvia Melo-Pfeifer. 2022. The pluricentricity of Spanish: Origin, pedagogical issues, and its appearance in course books in Germany and Portugal. *The International*

- Journal of Literacies* 29 (1). 43–65. <https://doi.org/10.18848/2327-0136/CGP/v29i01/43-65>
- de Cillia, Rudolf & Jutta Ransmayr. 2019. *Österreichisches Deutsch macht Schule. Bildung und Deutschunterricht im Spannungsfeld von sprachlicher Variation und Norm*. Wien: Böhlau.
- De Ridder, Reglindis (ed.). 2023. *“One Size Fits All”? Linguistic Standards in the Media of Pluricentric Language Areas*. Graz: PCL-PRESS.
- Dollinger, Stefan. 2019 *The Pluricentricity Debate. On Austrian German and other Germanic Standard Varieties (Routledge Focus)*. Abingdon: Routledge.
- Eslami, Zohreh R., Tatiana V. Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fischer, Steven R. 2018. *A History of Language*. London: Reaktion Books.
- Formentelli, Maicol & John Hajek. 2016. Address practices in academic interactions in a pluricentric language: Australian English, American English, and British English. *Pragmatics* 26 (4). 631–652. <https://doi.org/10.1075/prag.26.4.05for>
- Hickey, Raymond (ed.). 2020. *The Handbook of Language Contact*. Newark: Wiley & Sons.
- Hovannisian, Richard G. (ed.). 2004. *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. New York: St. Martin’s Press.
- Kaltenegger, Sandra. 2020. Modelling Chinese as a pluricentric language. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 1–12. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1810256>
- Kamusella, Tomasz D. 2018. Russian: A monocentric or pluricentric language? *Colloquia Humanistica* 7. 153–196.
- Kloss, Heinz. 1952. *Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen von 1800 bis 1950*. München: Pohl.
- Lee, Seongyong & Hongsung Choe. 2021. Modelling beliefs, attitudes, and behaviours regarding the spread of English. *English Today* 37 (2). 66–75. <https://doi.org/10.21832/9781853598609>
- Leonardi, Mara M.V. 2021. Attitudes of South Tyrolean University students towards German varieties. *Languages* 6 (137). 1–16. <https://doi.org/10.3390/languages6030137>
- Méndez-G^a de Paredes, Elena & Carla Amorós-Negre. 2019. The status of Andalusian in the Spanish-speaking world: Is it currently possible for Andalusia to have its own linguistic standardization process? *Current Issues in Language Planning* 20 (2). 179–198. <https://doi.org/10.1080/14664208.2018.1495369>
- Moita-Lopes, Luiz P. (ed.). 2015. *Global Portuguese: Linguistic Ideologies in Late Modernity*. New York: Routledge.
- Muhr, Rudolf (ed.). 2012. *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture*. Frankfurt am Main: Lang.
- Muhr, Rudolf, Carla Amorós Negre, Carmen Fernández Juncal, Klaus Zimmermann, Emilio Prieto & Natividad Hernández (eds.). 2013. *Exploring Linguistic Standards in Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages*. Frankfurt am Main: Lang.
- Muhr, Rudolf & Dawn Marley (eds.). 2015. *Pluricentric Languages: New Perspectives in Theory and Description*. Wien: Lang.
- Muhr, Rudolf, Kelen E. Fonyuy, Zeinab Ibrahim & Corey Miller (eds.). 2016. *Pluricentric Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide, vol. 1: Pluricentric Languages across Continents – Features and usage*. Wien: Lang.
- Muhr, Rudolf & Benjamin Meisnitzer (eds.). 2018. *Languages and Non-Dominant Varieties Worldwide. New Pluricentric Languages – Old Problems*. Bern: Lang.

- Muhr, Rudolf, Josep A. Mas Castells & Jack Rueter (eds.). 2020. *European Pluricentric Languages in Contact and Conflict*. Bern: Lang.
- Muhr, Rudolf, Eugenia Duarte, Cilene Rodrigues & Juan Thomas (eds.). 2022a. *Pluricentric Languages in the Americas*. Graz: PCL-PRESS.
- Muhr, Rudolf, Gerhard Edelmann, Aditi Ghosh & Reglindis De Ridder (eds.). 2022b. *Pluricentric Languages in Different Theoretical and Educational Contexts*. Graz: PCL-PRESS.
- Müller, Daniel & Monika Wingender (eds.). 2021. *Language Politics, Language Situations and Conflicts in Multilingual Societies: Case Studies from Contemporary Russia, Ukraine and Belarus*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Nikolai Vakhtin (eds.). 2010. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: University of Helsinki.
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya. 2021. Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms. *Quaestio Rossica* 9 (2). 715–732. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.605>
- Mustajoki, Arto, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya (eds.). 2020. *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Potitics and Policies*. London: Routledge.
- Nielsen, Helle L. 2017. “Arabic-as-resource” or “Arabic-as-problem”? Arab heritage language learners in Danish Postsecondary education. In Olga Kagan, Maria Carreira & Claire H. Chick (eds.), *The Routledge handbook of heritage language education: From innovation to program building*, 363–378. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315727974>
- Nikunlassi, Ahti & Ekaterina Protassova (eds.). 2019. *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki.
- Nilsson, Jenny, Stefan Norrthon, Jan Lindström & Camilla Wide. 2018. Greetings as social action in Finland Swedish and Sweden Swedish service encounters – a pluricentric perspective. *Intercultural Pragmatics* 15 (1). 57–88. <https://doi.org/10.1515/ip-2017-0030>
- Norman, Boris & Holger Kuße (eds.). 2020. *The Russian Language outside Russia*. Ekaterinburg: Armchair Scientist.
- Norrbj, Catrin, Jan Lindström, Jenny Nilsson & Camilla Wide. 2020. Pluricentric languages. In Jann-Ola Östman & Jef Verschueren (eds.), *Handbook of pragmatics* 23, 201–220. Amsterdam: Benjamins.
- Onysko, Alexander. 2016. Modeling world Englishes from the perspective of language contact. *World Englishes* 35 (2). 196–220. <https://doi.org/10.1111/weng.12191>
- Proshina, Zoya G. & Cecil L. Nelson. 2020. Varieties of English and Kachru’s expanding circle. *Russian Journal of Linguistics* 24 (3). 523–550. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550>
- Protassova, Ekaterina, Neelakshi Suryanarayan & Maria Yelenevskaya. 2021a. Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics* 25 (4). 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
- Protassova, Ekaterina, Maria Yelenevskaya & Johanna Virkkula. 2021b. Old and new homes of the Russian language in Europe. In Gyula Szvak (ed.), *RussianStudies.hu 2020*, 243–270. Budapest: Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.g.1>
- Pucher, Michael, Katharina Kranawetter, Eva Reinisch, E., Wolfgang Koppensteiner & Alexandra Lenz. 2022. Perceptual effects of interpolated Austrian and German standard varieties. *Speech Communication* 141. 107–120. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2022.04.003>
- Risager, Karen. 2006. *Language and Culture: Global Flows and Local Complexity*. Clevedon: Multilingual Matters.

- Rose, Heath & Nicola Galloway. 2019. *Global Englishes for Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose, Heath, Mona Syrbe, Anuchaya Montakantiwong & Natsuno Funada. 2020. *Global TESOL for the 21st Century: Teaching English in a Changing World*. Bristol: Multilingual Matters.
- Ryazanova-Clarke, Lara (ed.). 2014. *The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Scharloth, Joachim. 2005. Asymmetrische Plurizentrität und Sprachbewusstsein: Einstellungen der Deutschschweizer zum Standarddeutschen. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* 33 (2/3). 236–267. <https://doi.org/10.1515/zfgl.33.2-3.236>
- Schneider, Klaus P. & Anne Barron (eds.). 2008. *Variational Pragmatics. A Focus on Regional Varieties in Pluricentric Languages*. Amsterdam: Benjamins.
- Soares da Silva, Augusto (ed.). 2014. *Pluricentricity: Language Variation and Sociocognitive Dimensions*. Berlin: De Gruyter.
- Trudgill, Peter. 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford: Oxford University Press.
- Vančo, Ildikó, Rudolf Muhr, István Kozmács & Máté Huber (eds.). 2020. *Hungarian as a Pluricentric Language in Language and Literature*. Berlin: Lang.
- von Waldenfels, Ruprecht & Maciej Eder. 2016. A stylometric approach to the study of differences between standard variants of Bosnian/Croatian/Serbian, or: Is the Hobbit in Serbian more Hobbit or more Serbian? *Russian Linguistics* 40 (1). 11–31. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9155-4>
- Walsh, Olivia. 2021. The French language: Monocentric or pluricentric? Standard language ideology and attitudes towards the French language in twentieth-century language columns in Quebec. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 42 (9). 869–881. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1839085>
- Yelenevskaya, Maria & Ekaterina Protassova. 2021. Teaching languages in multicultural surroundings: New tendencies. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 546–568. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-546-568>

Article history:

Received: 10 June 2023

Accepted: 20 August 2023

Сведения об авторах:

Дамина ШАЙБАКОВА – профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая. Круг ее научных интересов включает социолингвистику, контактологию, теорию плюрицентризма языков. Она является автором 200 работ – монографий, статей, учебных пособий. Участвовала в международных проектах, в частности в качестве руководителя научного проекта, финансируемого Министерством образования Республики Казахстан. Является членом редколлегий международных научных журналов.

e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Екатерина ПРОТАСОВА имеет степень PhD по филологии и степень доктора педагогических наук. Является доцентом Хельсинкского университета, автором и соавтором более 400 публикаций – монографий, статей и глав книг. Участвовала, в том числе как руководитель, в различных международных и национальных проектах, посвященных изучению и преподаванию языков, двуязычию детей и взрослых,

а также роли языка и культуры в интеграции иммигрантов. Член редколлегий ряда журналов, организатор многочисленных научных семинаров и конференций.

e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Мария ЕЛЕНЕВСКАЯ – старший научный сотрудник отдела гуманитарных наук Техниона – Израильского технологического института. Ее исследования посвящены использованию языка в многоязычных и мультикультурных условиях, лингвокультурным аспектам иммиграции, компьютерно-опосредованной коммуникации, языковому ландшафту мультикультурных городов и лингвокультурным аспектам юмора. Она автор и соавтор более 90 публикаций, включающих научные статьи, монографии и учебники. Входит в редакционный совет трех международных научных журналов и является членом правления Израильской ассоциации по изучению языка и общества.

e-mail: [ymaria@technion.ac.il](mailto:y maria@technion.ac.il)

<https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

Bionotes:

Damina SHAIBAKOVA is Professor of the department of Russian Language and Literature at Abay Kazakh National Pedagogical University. Her research interests include sociolinguistics, contactology and theory of pluricentricity. She is the author or coauthor of 200 articles, monographs and textbooks, as well as a member of the editorial boards of international scholarly journals. She participated as head or implementor in international and national research projects.

e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Ekaterina PROTASSOVA holds Ph.D. in Philology and Hab. in Pedagogy. She is Associate Professor at the University of Helsinki. She has authored and co-authored over 400 monographs, articles and book chapters, headed and participated in various international and national projects investigating language pedagogies, child and adult bilingualism, and the role of language and culture in immigrant integration. Her service to the profession includes editorial work for various journals and publishers and organization of seminars and conference panels.

e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Maria YELENEVSKAYA is Senior researcher in the Department of Humanities and Arts at the Technion-Israel Institute of Technology. Her research is devoted to the use of language in multilingual and multicultural settings, lingua-cultural aspects of immigration, computer-mediated communication, linguistic landscape of multicultural cities and linguacultural aspects of humor. She has authored and co-authored over 90 publications including research papers, monographs and course books. She serves on the editorial board of three international research journals and is a board member of Israel Association for the Study of Language and Society.

e-mail: [ymaria@technion.ac.il](mailto:y maria@technion.ac.il)

<https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>